

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ДОМ
ОБНАЖЕННЫХ
СТРАСТЕЙ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Дом обнаженных страстей / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190199-8

На похороны Егора Дуванова в отдаленную деревню съехались близкие и знакомые. Поминали как положено: с речами, слезами и... взаимными претензиями — не все собравшиеся ладили друг с другом, были тут и любовные интриги и свои «скелеты в шкафу». Как назло, на несколько дней зарядил ливень, река вышла из берегов и затопила мост. Гостям пришлось задержаться. А ночью случилось ЧП. При невыясненных обстоятельствах погиб один из гостей. Полиция сигнал приняла, но в эту глухомань добираться не спешила. К ужасу собравшихся следующая ночь добавила жертв. Гости охватила настоящая паника. Откуда им было знать, что покойный Дуванов еще при жизни превратил свой дом в самую настоящую «пороховую бочку»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В.Г., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190199-8

Глава 1

Небо чистое, как лист новенькой, только что купленной тетради, ни облачка, только утки летят косяком над лесом далеко за рекой. Тяжело летят, то ли устали на обратном пути, то ли встречный ветер мешает. А ветер усиливался, по «воздушным горкам» скатываясь вниз, дыша в лицо свежим запахом весны. Лед с реки сходит, на деревьях набухли почки, трава оживает. Только вот Егор Павлович этого уже не увидит, отгулял он свой земной путь, отстрадал. Тимофей вздохнул, нажимая на клавишу звонка. Тесть уже в земле, а они с Полиной только-только подъехали. Доверились прогнозу, весна, ехать всего сутки, думали, успеют к похоронам, но угодили в буран, дорогу занесло снегом, ни вперед, ни назад, полдня потеряли, надеялись утром быть, а уже вечер на носу. Еще не полноценная весна, злится зима, огрызается мокрым снегом и ледяными дождями.

Это сейчас ни облачка, а отца хоронили, говорят, небо плакало.

Дверь не отворялась, ни одна занавеска в окне не шевельнулась, а ворота уже стали открываться, кто-то привел в действие автоматику. Это не удивительно, людей в доме немало, во дворе три машины, четвертую впритык к собачьей будке придется ставить. Тимофей даже не знал, загонять ли свой «Крузер» во двор или оставить на улице.

— И как это называется? — тихо спросила Полина. — Заходите, если хотите?

— Это ты у меня дома или у братца своего?

Опоздать можно на деловую встречу, на свидание, но на похороны отца, тестя — ни в коем случае. Они это понимали, но все равно такое отношение вызывает обиду.

— Это я вообще!

Полина повела плечами, будто скидывала с них платок, вскинула голову, даже спину выпрямила и пошла барыней к дому. Не привыкла она к тому, чтобы ей выказывали пренебрежение. Она и в молодости не позволяла себя обижать, а сейчас и подавно. И красивая она женщина, и успешная, и палец ей в рот не клади.

— Харе Кришна!¹ — негромко сказал Тимофей.

¹ Харé Кри́шна — индуистская мантра.

Полина умела умирять свой гнев, для этого она освоила сначала азы, а затем и глубины медитации, насыщенные индуистскими мантрами. Жаль, что порой она забывала об этой своей науке, приходилось напоминать.

Полина повела головой, собираясь глянуть на Тимофея, так и не обернувшись, но «газ» сбросила. И даже улыбнулась, когда наконец-то открылась дверь и появился Паша Дуванов. Рослый, щекастый, глаза, как пузыри на воде, такие же пустые, бесцветные и вот-вот, казалось, лопнут. Соображал он медленно, а движения были быстрыми, мысли порой не поспевали за телом.

Паша перелетел через площадку крыльца, одной ногой встал на верхнюю ступеньку и вдруг застыл. Только тогда его догнала мысль.

— А-а! Явились!

Полина всплеснула руками, останавливаясь, осуждающе глянула на брата. Но вместе с тем и улыбнулась, раскинув руки для объятия.

— И мы рады тебя видеть! — кивнул Тимофей, не очень-то любезно глядя на шурина.

Паша — человек, мягко говоря, сложный, нагрубить мог как по простоте душевной, так и со злым умыслом. Неуступчивый, вспыльчивый, временами глупый, спорить с ним о чем-то бесполезно, глаза выпучит, щеки раздует и напролом, а физически остановить его трудно. Рослый он, пузо тяжелое, кулаки крепкие, Тимофей од-

нажды с ним подрался, воспоминания не из приятных.

— Это ты сейчас пошутил? — нахмурился Паша.

— Это я с тобой поздоровался! Пять лет не виделись.

— И еще столько мог бы не приезжать, — скривился шурин.

— Эй!

Полина надвинулась на брата. Она тоже высокая, но не в пример брату стройная, хотя и ширококостная. Ударить она могла больно, но боялся Паша не этого. Может, он ею и недоволен, но все же сестра, и, если перегнуть палку, она очень обидится и перестанет с ним разговаривать, такая перспектива его напрягала и останавливала. Какой-никакой, а предохранитель в голове у него имелся.

— Ну, здравствуй, сестренка!

Паша понял, что Полина первой с места не сдвинется, и сам спустился к ней по ступенькам. Обнял ее, поцеловал, только тогда подал руку Тимофею.

— Чего так долго?

Полина звонила, говорила, из-за чего они задерживаются, Паша все знал, но тем не менее отвечать нужно без всяких оговорок и пояснений.

— Дорога подвела!

— Машину во двор можешь поставить, — предложил Паша.

Он едва взглянул на машину зятя. «Крузер» не совсем новый, три года уже, но Паша его раньше не видел. Да и не хотел видеть. Не очень-то радовали его карьерные и материальные успехи сестры.

— Да тесно у вас.

— Поцарапать боишься? — усмехнулся Паша так, будто уличил Тимофея в жлобстве.

— Может, подождать, когда гости разъедутся?

— Может, и разъедутся... — пожал плечами Паша. — Ну, чего стоим?

Дверь открылась, на крыльцо вышла Галина Дуванова. Молодая, слегка за тридцать, розовощекая, полногрудая, бедра широкие, ноги не столько толстые, сколько крепкие. Взгляд с огоньком, улыбка с юморком, веселые ямочки на щеках, такой Тимофей ее помнил. Галка и сейчас улыбалась, но как-то не очень весело.

— Ну, чего стоим? — так же спросила она.

Тимофей добродушно засмеялся. Жена повторила за мужем слова точь-в-точь, причем не сговариваясь, в другое время Паша посмеялся бы над этим, но сейчас он косо глянул на гостя, как будто непотребство какое-то услышал.

Дом у тестя очень даже ничего, двухэтажный, сложенный из белых газобетонных блоков, швы грубые, фундамент голый, без обшивки, даже отмостки нет, крыша простая, двускатная, словом, никакого изящества. Но стоит дом крепко, основательно, крыльцо — голый бетон, за двадцать

с лишним лет ни кусочка из ступенек не выкрошилось. На века строил Егор Павлович, но дожил только до шестидесяти семи. Что, в общем-то, не так уж и мало.

Хороший дом у Егора Павловича, но заходить что-то не хотелось. От угнетающей похоронной обстановки сдавит грудь, будет трудно дышать, но делать нечего, нужно идти.

Вешалки в прихожей завешаны верхней одеждой, места свободного нет, а Галке хоть бы что. Могла бы и забрать у Полины пальто, а у Тимофея куртку, отнести в их комнату или хотя бы плечики подать, нет, смотрит, как петельки соскакивают с крючков, думает о чем-то постороннем. Или потустороннем.

Кухня в доме большая, стол накрыли в ней. Похороны, тризна в кафе, теперь вот поминки дома, собрались самые близкие. Тетя Лада, свояченица покойного, Женя, друг семьи, и его жена, Родион Калугин, двоюродный брат Паши, этот с девушкой, которую Тимофеем видел впервые. И которой невольно залюбовался.

Вряд ли эта девушка знала Егора Павловича, но выглядела она так, как будто его смерть стала для нее ударом. Волосы черные, как траурная кофты, кожа лица чистая, светлая, а под глазами темные круги, как будто она выплакала все слезы. А глаза красивые, голубые, глубокая печаль в них ей к лицу. Нежная девушка, хрупкая, жен-

ственная. Тимофей ощутил легкое покалывание в кончиках пальцев.

— Ну наконец-то! — Женя приподнялся и поздоровался с ним.

Он такой же здоровый, как и Паша, такой же грубый, легко мог послать на подальше, но на него хотя бы беспричинно не накатывало. Пашу же могло накрыть с головой в любой момент, Женю это не пугало. Он мужик простой, чуть что, сразу в морду. И жена у него без комплексов, понятливая, открытая, если радовалась, то от души, если злилась... Только вот не помнил Тимофей, чтобы Катя злилась.

— Моя ты хорошая! — сначала она поцеловала Полину, затем подставила щеку Тимофею.

Парфюмом она практически не пользовалась, но пахла при этом всегда хорошо. Не красавица, но внешность приятная, и внутри, казалось, горит тихий, томный огонь. Тимофей помнил, как пять лет назад она в танце прижалась к нему, превратив его тело в конденсатор, который потом медленно-медленно разряжался. А может, еще до сих пор и не разрядился. И сейчас она прижалась к нему, но лишь слегка и на мгновение. И затаенно улыбнулась, отстраняясь. Но надеяться на что-то большее не стоит, скорее небо упадет на землю, чем Катя изменит мужу. Впрочем, Тимофей ни на что и не рассчитывал.

— Ну, за Егора Палыча!

Родион тяжело поднялся со своего места, тускло и даже невидяще глядя на Полину. И хотел бы увидеть ее, но не получалось, потому что глаза у него залитые. Все под градусом, но никто еще так не набрался, как он. Может, у них там в полиции все такие? А Родион целый подполковник, вроде как возглавлял отдел по борьбе с наркотиками. Сейчас он живо напоминал хрестоматийного синьора Помидора, голова большая, круглая, лысая и даже красная. У его девушки ноги от ушей, а у него пузо — от шеи. Но пузо плотное, упругое, кулак в жир не провалится, если ударить. И ноги у него сильные. За пять лет Родион мало изменился, но во время последней встречи с ним он уверял, что сдает все требуемые нормативы по физической подготовке. Подтянуться, правда, ни разу не получается, зато отжаться может не меньше ста раз. И ведь отжался — восемьдесят шесть раз.

— Царствие Небесное! — всхлипнув, перекрестилась тетя Лада.

И, подняв наполненную рюмку, замерла в ожидании. Маленькая она, сухенькая, лицо морщинистое, глазки-бусинки, нос крючком, губ совсем не видно, как будто рассосались. Ей бы губной помадой напомнить об их существовании, но ведь она верующая, нельзя. Верующая, но вроде бы не набожная. Или за пять лет что-то изменилось?

— Царствие Небесное! — подхватил Тимофей, принимая поданный Женей лафитник.

А Полина вдруг заплакала — беззвучно, но слезно, в два ручья.

— Ну чего ты! — Галка обняла ее, усадила за стол, поставила перед нею чистые рюмку и тарелку.

— Хороший мужик был! — сжимая кулак, сипло выдавил Родион. Он смотрел на Полину, пытаясь сфокусировать на ней пьяный взгляд. — Хороший мужик... — опустив голову, повторил он и, немного подумав, добавил: — И дочь у него!

— Что дочь? — Полина перестала плакать, подозрительно глядя на него.

— Дочь тоже хорошая... — пьяно кивнул Родион Калугин. — Давайте за нее!

Он собрался пить не чокаясь, и Полина вовремя это поняла.

— Эй, ты чего? Не согласна я за свой упокой!

— Ну ты, Родик, в натуре! — гоготнул Паша.

— Мальчику больше не наливать! — осклабился Женя.

Родион долго смотрел на одного, перевел взгляд на другого, наконец исправил ошибку:

— За Егора Палыча!

Он выпил, опустил голову, но при этом продолжал наблюдать за присутствующими, вдруг кто-то не поддержал его тост, но выпили все. И Тимофей с удовольствием опрокинул стопку,

и Полина. Устали они с дороги, выпить сейчас — самое то. А потом уже можно и в спальню. Вещи занести, расположиться, душ принять, а еще лучше в баньку, если там натоплено. Что вряд ли.

— Упокоился Егор Павлович, Царствие ему Небесное, — выдержав паузу, сказала Галка. — Вместе со своей Варварой Васильевной. Место у них хорошее, сухое, лежат сейчас рука об руку...

— Хорош уже! — не сильно, но грубо толкнул ее в бок Паша.

— И никто друг друга не одергивает! — зыркнула на него жена.

Полина протяжно вздохнула, Галка это заметила. И тут же уколола:

— Никто никуда не спешит, никто никуда не опаздывает!

— И никто никому не врет! — хищно сощурилась Полина.

Тимофей понял, на что она намекала. Замуж Галка вышла, что называется, по залету, вроде как от Паши понесла, даже сроки на это указывали. Но сын их почему-то подозрительно был похож на его двоюродного брата. Или с Родионом она согрешила, или двоюродная кровь по мужу свое взяла. Полина обвиняла Галку в первом, Паша на нее за это дулся, однажды даже накричал. И тест на отцовство делать он не собирался. Одно время Полина на этом настаивала, потом махнула рукой, даже как будто забыла о про-

блеме, а сейчас вдруг вспомнила. Судя по злому взгляду, каким Галка посмотрела на Полину, она ее правильно поняла.

— А ты никого никогда, нет? — взвилась она и выразительно при этом глянула на Тимофея.

Посмотрела на него и Полина.

— Пойдем! — резко поднимаясь, сказала она.

И обиделась она, и правда глаза колет. Хотя вряд ли Галка что-то знала. А Тимофей знал, что Полина неспроста выбилась в начальники. Поднялась до исполнительного директора крупной строительной фирмы, в которой Тимофей до сих пор вкалывал простым прорабом. Может, потому что не интересовал генерального директора как женщина. А вот Полине Мирон Сергеевич оказывал знаки внимания с самого начала ее работы у него. И она, скорее всего, отвечала ему взаимностью, от этого и карьерный взлет. Тимофей старался гнать от себя эти мысли, утешая себя тем, что не любит жену и живет с ней из привычки. Ну и дети еще не совсем выросли, сыну восемнадцать, а дочери всего четырнадцать. Подождать немного нужно, а потом уже можно и на развод подавать. Он к этому готов.

— Куда это ты? — нахмурился Паша.

— К отцу съездим!

— А вы разве не были? — удивленно и с насмешкой спросила Галка.

Тимофей качнул головой. Они проезжали мимо кладбища, нужно было всего лишь свер-

нуть с дороги и проехать до него километр-другой, Тимофей предлагал сгонять, а Полина отложила на потом. Зато сейчас вдруг сорвалась, как будто под хвост что-то попало.

— Да вот думали, что нам здесь рады будут!

— Так, спокойно!

Родион попробовал подняться из-за стола, но его качнуло, и он опустился на стул. Но руки он успел развести, поэтому, возвращаясь на место, ударил предплечьем свою девушку. Но та лишь поморщилась и улыбнулась, давая понять, что ничего не случилось.

— Никто никуда не едет!

— Завтра съездим! — отрезал Паша.

Но Полина никого не слушала. Она вышла из дома, но на крыльце в недоумении остановилась.

— Ничего себе! — Тимофей достал из кармана сигареты, останавливаясь рядом с ней.

Дождь лил как из ведра. И получаса не прошло, как они вошли в дом, а столько изменений. И тучи успели набежать, и дождь хлынул.

— И куда мы в такую хлябь? — спросила Полина.

— Это ты у меня спрашиваешь?

— Сегодня не получится.

— Завтра съездим. Никуда твой отец не денется, — усмехнулся Тимофей.

— Думаешь, это смешно? — Полина глянула на него так, как будто это из-за него она не могла попасть на кладбище.

За спиной открылась дверь, появилась Галка.

— Полина, ты здесь? — совсем не зло спросила она.

— Как из ведра льет.

— Опять двадцать пять!.. Может, вам отдохнуть? Баньку мы не топили, сами понимаете почему, а душ — пожалуйста. Я в твоей комнате вам полотенца положила.

— Полотенца — это хорошо, — кивнула Полина. — Сейчас вещи из машины заберем.

— Сейчас? — усмехнулся Тимофей.

Дождь только усиливался, еще и стемнело. Фонарь зажегся, но ворот не видно, машины за ними тем более.

— На тебе вот ключи от ворот. Откроешь, закроешь!

Галка вручила ему ключи с дистанционным пультом от ворот и вместе с Полиной скрылась за дверью. А дождь все лил, порывы ветра забрасывали под козырек крыльца капли и брызги, промокнуть до нитки в планы Тимофея не входило, поэтому он, выкурив сигарету, вернулся в дом.

Он сел за стол, Паша молча налил ему водки, предложил сказать несколько слов о новопреставленном. Тимофей кивнул, взял рюмку, поднялся, сказал, что чуть более двадцати лет назад познакомился с Полиной, как приехал в Закамьевск знакомиться с ее родителями, как душевно принял его Егор Павлович. И все это время

молодая подруга Родиона с интересом смотрела на него почти не мигая.

— Великой души был человек! — заключил он, ощущая приятное волнение в крови.

— Почему был? — мотнул головой Женья. — Хорошие люди живут в наших сердцах!

— За великой души человека!

Тимофей выпил, красавица-брюнетка затаенно улыбнулась и также взяла рюмку. Родион косо глянул на нее, кивнул и выпил вслед за ней.

— Ну все, мы поедem! — сказал, поднимаясь, Женья.

— Там ливень! — предостерег Тимофей. — Видимость нулевая.

— Да ничего... Зонт есть?

Зонт нашелся. Женья сначала посадил в машину жену, удерживая над ней зонт, затем, обогнув свою «Шкоду», открыл водительскую дверь. С зонта пролилась на голову вода, когда он закрывал его.

— Эй, а зонт! — крикнул Паша.

Женья его услышал, снова раскрыл зонт.

— Я возьму! — вызвался Тимофей.

До машины совсем немного, шагов семь-восемь, но дождь разыгрался не на шутку. Голова намочка, пока он добрался до зонта.

Паша открыл ворота, и Тимофей, не дожидаясь, когда Женья выедет, прошел к своей машине, сел, бросив мокрый зонт на пол за передние

сиденья. «Фокус» выезжал медленно, видимость практически нулевая, Тимофей на всякий случай помигал ему фарами, чтобы он не врезался в него. Но все обошлось, Женя справился с управлением, и очень скоро габаритные огни машины исчезли в пелене дождя. А Тимофей заехал во двор, заняв освободившееся место. Вышел из машины, забрал из багажника чемодан и сумку, пока занес их в дом, промок до нитки. Не помог ему зонт.

— Эй, да тебе в душ надо! — проявил заботу Паша.

Но ни чемодан, ни сумку у него не взял, на второй этаж вещи пришлось поднимать самому.

Егор Павлович построил дом, когда Полина уже училась в Москве, фактически она здесь не жила, приезжала только в отпуск, но одну из спален на втором этаже отец закрепил за ней. И пока Егор Павлович жил здесь вдвоем с женой, на комнату никто не покушался. Но после того как Варвара Васильевна умерла, тесть слег, сын переехал к нему со всей своей семьей, в комнате Полины поселилась его дочь. Дети сейчас у бабушки, комната свободна, на застеленной кровати одно полотенце. Второе забрала с собой Полина.

Тимофей успел раздеться, развесить на горячей батарее мокрые джинсы, куртку он повесил на дверцу шкафа. Полина в банном халате и тюрбане из полотенца вошла в спальню.

— Ты уже здесь!

Тимофей усмехнулся, глядя на жену. Он так и не понял, что ее больше обрадовало, он или чемоданы.

— Какой ты мокрый! — Она подняла руку, чтобы взлохматить мужу волосы, но так и не прикоснулась к нему. То ли торопилась заняться собой, то ли побрезговала.

Егор Павлович строил дом со знанием дела. Отделка незатейливая, штукатурка стен довольно грубая, зато держится превосходно, нигде ни трещинки. Пол из досок, но крепкий, нигде не скрипнет. Мебель дешевая, но такая же основательная, кровать ничем не расшатает. И в ванной комнате у него все в лучшем виде. Настенная и напольная плитка недорогая, но ни одного скола нет, и вид такой, как будто недавно клали. Горячая вода в душевую лейку подавалась исправно, без перепада температур. Тимофей помылся, сменил белье, надел спортивный костюм.

Полина уже распаковала багаж и теперь сидела перед зеркалом, сушила волосы.

— Как водичка? — спросила она, выключив фен.

— Пойдет!

— Вопрос, чья вода! — усмехнулась она.

— Чья? — нахмурился Тимофей.

Дом хороший, у реки, природа, рыбалка, все, что нужно для души. И давно уже назрел вопрос, кому дом достанется. У них с Полиной все хоро-